

ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ РАН

**«ЕСТЬ ГОРОД...»:
ЛОКУС — СОЦИУМ — ОБРАЗ**

**В ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЕВРОПЕ
И СОПРЕДЕЛЬНЫХ РЕГИОНАХ
XVII—XXI ВВ.**

*VIII конференция
Междисциплинарного центральноевропейского
семинара*

Тезисы докладов

**5–6 ноября
2024 г.**

МОСКВА

2024

УДК 930.85
ББК 63.3(44)
Е86

Редакторы-составители:
О. В. Хаванова, Д. Ю. Ващенко

E86 **«Есть город...»: локус — социум — образ в Центральной Европе и сопредельных регионах XVII–XXI вв.** Тезисы конференции. 5–6 ноября 2024 г. / Ред.-сост. О. В. Хаванова, Д. Ю. Ващенко. — М.: Институт славяноведения РАН, 2024. — 64 с.

ISBN 978-5-7576-0503-6

DOI 10.31168/0503-6

УДК 930.85
ББК 63.3(44)

На обложке:
Герхарт Франкль (1901–1965).
Вид на Вену из Бельведера

ISBN 978-5-7576-0503-6
DOI 10.31168/0503-6

© Коллектив авторов, текст, 2024
© Институт славяноведения РАН, 2024
© Оформление. ООО «ПОЛИМЕДИА», 2024

Адельгейм Ирина Евгеньевна

(Институт славяноведения РАН, Москва)

DOI: 10.31168/0503-6.01

«ОТСРОЧЕННАЯ ЛЮБОВЬ»: НЕАПОЛЬ ГУСТАВА ГЕРЛИНГА-ГРУДЗИНСКОГО

Доклад посвящен месту Неаполя в судьбе и творчестве Г. Герлинга-Грудзиньского, где этот крупнейший польский писатель-эмигрант XX в. провел почти полвека (1955–2000). В Италию он попал вместе с армией Андерса (чему предшествовали два года в советском лагере), в новую, социалистическую, Польшу не вернулся. Проза писателя отразила сложный путь от внутреннего противостояния к приятию города. С момента, когда Герлинг-Грудзиньский осел в Неаполе, он систематически вел дневник, который с 1971 г. публиковался в парижской «Культуре». «Дневник, писавшийся ночью» (1971–2000), построенный на взаимопроникновении документального и художественного, — один из знаковых для польской литературы писательских дневников, повлиявших на представления о границах автобиографического нарратива. Неаполь (повседневные наблюдения, архитектура, живопись, городские хроники, легенды, слухи и пр.) стал для Герлинга-Грудзиньского прежде всего источником вдохновения и рефлексии. Ментальность неаполитанцев («между Чудом и Вулканом») оказывается созвучна вектору художественной рефлексии писателя (между Непознаваемым и Историей), его привлекают ориентация неаполитанцев на универсальное, интенсивность и открытость переживания, свобода существования языческого с христианским и многое другое. Сама структура Неаполя («пористый» город, открытый подземному миру, город «закоулков») близка нарративной стратегии Герлинга-Грудзиньского. Однако с точки зрения художественно-психологических механизмов адаптации, обживания эмигрантом чужого пространства в слове и жизни, наиболее значимыми в этом диалоге писателя и города представляются две функции/измерения/перспективы.

Неаполь становится пространством-посредником, которое дарит возможность пережить в слове невозможное (соприкосновение с польским прошлым, умершими близкими) или замалчиваемое (еврейское происхождение), а также пространством-двойником, которое утешает и примиряет с собственной судьбой, предстающей не исключением, но вариантом универсальной (образы подобных неприкаянных своих / чужих обитателей Неаполя, ветшание города, «умирание» моря, тяготение над мироощущением неаполитанцев тени «Везувия-убийцы»). ■

ВОПРОС О ВОЗВРАЩЕНИИ СКУЛЬПТУР ПАРФЕНОНА: РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ В ПУБЛИЧНОМ ПРОСТРАНСТВЕ АФИН

Вопрос о возвращении скульптур Парфенона, вывезенных из Афин в начале XIX в. британским послом в Османской империи лордом Элгином и хранящихся в настоящее время в Британском музее, сохраняет актуальность на протяжении двухсотлетнего существования независимого греческого государства. Начиная с 2019 г., после прихода к власти в Греции правительства К. Мицотакиса, данная проблема не уходит с повестки дня греко-британских отношений. Однако, несмотря на активный переговорный процесс, Греция и Великобритания вплоть до настоящего времени не находят компромисса в вопросе о возвращении скульптур Парфенона. Великобритания настаивает на законности приобретения скульптур Парфенона Британским музеем, а также на невозможности их возвращения в Грецию в соответствии с действующим законодательством. Британский музей утверждает, что он делает свои коллекции доступными для мировой аудитории, а статуи Парфенона являются объектами культурного наследия, принадлежащего всему человечеству. Позиция Греции заключается в том, что возвращение скульптур должно способствовать восстановлению целостности памятника мирового значения — Парфенона. Одновременно этот вопрос связан с культурным наследием страны, поскольку Парфенон является национальным символом Греции. Активно используемый Грецией инструмент давления на Великобританию — политика «пристыжения». Ее задача — актуализировать проблему возвращения скульптур Парфенона, сформировать соответствующее общественное мнение в Греции, Великобритании и на международном уровне. Одним из способов привлечения внимания к данному вопросу являются инициативы, связанные с оформлением публичного пространства Афин непосредственно рядом с Акрополем —

в наиболее посещаемом местными жителями и туристами районе города. В докладе рассматриваются особенности репрезентации проблемы возвращения скульптур Парфенона в различных точках центра Афин — на территории самого памятника, в Музее Акрополя, а также в метро и на улицах города. Таким образом, оформление городского пространства становится элементом международной политики Греции. ■

КРАКОВ КАК МЕСТО/ГОРОД СИЛЫ

Восприятие Кракова как места/города силы в расшифровке не нуждается. Вместе с тем, приходится учитывать, что наполнение этого понятия особым смыслом и эмоциональным содержанием всегда индивидуально. Принимая во внимание одно из предназначений места/города силы: служить питательной средой для интеллектуального сообщества, неразрывно с этим местом/городом связанного, — наиболее ярким примером подобного сообщества можно считать краковских консерваторов. Менее распространенным, локальным, но, как представляется, более точным и наиболее адекватным в заявленном контексте названием этой группировки является иное название, — станьчики, как были поименованы четыре соавтора написанного в жанре политической сатиры памфлета «Папка Станьчика» (1869 г.). Активная деятельность станьчиков, способствовавшая преумножению специфических свойств Кракова как места силы, разворачивалась в ключевых научных, культурных, политических центрах города. В Ягеллонском университете и Польской Академии знаний проявили себя Юзеф Шуйский и Станислав Тарновский, в Краковском театре — Станислав Козьян, в парламенте Австро-Венгрии (Цислейтании) и Галицийском краевом сейме — Людвик Водзицкий. Предпочтение одного наименования данного интеллектуального сообщества (станьчики) — другому (краковские консерваторы) неизбежно обращает к насыщенному творческому наследию станьчиков, которое обнаруживало не только многообразие интересов каждого из них, но и высвечивало характерные черты польского культурного национализма. Говоря о Кракове как месте силы, нельзя оставить в стороне сюжет противостояния двух исторических школ — Краковской и Варшавской, где, с точки зрения восприятия и оценки национального прошлого, первую рассматривают как пессимистическую, а вторую — как оп-

тимистическую. Противоречие? Пессимистическая историческая школа сложилась в Кракове как месте/городе силы? Это, однако, не противоречие. Пожалуй, именно духовная сила, заложенная в древней польской столице, позволила станьчикам отойти от романтического образа прошлого, трезво оценив допущенные в прошлом заблуждения и ошибки. Это, скорее, свидетельство глубокого оптимизма. ■

ИМПЕРСКАЯ ВЕНА — ЦЕНТР ЭЛИТНОГО ОБРАЗОВАНИЯ АВСТРО-ВЕНГРИИ

Имперская Вена, столица дуалистической Австро-Венгрии, была одним из крупнейших городов континентальной Европы со сложным этноконфессиональным населением, выраженной социальной стратификацией и, по мнению некоторых исследователей, самой развитой в Европе системой школьного образования. При этом наибольший интерес для политики габсбургского правительства представляло образование будущей образованной элиты государства — учащихся венских гимназий. В докладе анализируется система гимназического образования в Вене и выявляются социальные факторы академической успеваемости гимназистов. Исследование построено на анализе документальных источников венских гимназий — от старейшей Академической гимназии, основанной в 1553 г. иезуитами в аристократическом первом округе, до гимназии имени императора Максимилиана в периферийном девятом округе с большой долей еврейского населения. Сложный социально-этнический и религиозный характер был отличительной чертой венской образованной элиты, поскольку столица притягивала различные категории мультикультурного, полиэтничного и поликонфессионального населения Австро-Венгерской монархии, которое с разной частотой и мотивацией стремилось дать своим отпрыскам элитное среднее образование. В докладе выявляются различные корреляции между успеваемостью учащихся по отдельным обязательным предметам и их социально-конфессиональной и региональной принадлежностью, а также корреляции между академическими достижениями и выбором учащимися будущей

Исследование выполнено за счет гранта РФФИ № 24-28-01067 «Лояльность и патриотизм в полиэтничном обществе: процессы индоктринации в империи Габсбургов во второй половине XVIII — начале XX в.», <https://rscf.ru/project/24-28-01067/>

профессии. Исследовательская проблема решается в контексте концепции модернизации и теории элит и представляет собой часть более широкого круга вопросов истории становления культурной и образованной элиты центральноевропейского общества эпохи *fin-de-siècle*. Основные результаты отражают динамику численности гимназистов, их долю в составе городского населения, соотношение между преподавателями и учащимися, социальное происхождение, родной язык и конфессиональную принадлежность венских гимназистов. ■

Валуев Демьян Валерьевич

(Государственный музей «Смоленская крепость», Смоленск)

DOI: 10.31168/0503-6.05

«... ВСЯ СТЕНА БЫЛА ВЫБЕЛЕНА, А РЯД АРХИТЕКТУРНЫХ ДЕТАЛЕЙ “ПОДЧЕРКНУТ”»: ГИПОТЕЗА О ЦВЕТОВОЙ ГАММЕ СМОЛЕНСКОЙ КРЕПОСТИ — ГЕНЕЗИС И СУДЬБА

Смоленская крепостная стена является уникальным памятником истории и культуры. Построенная в 1596–1602 гг., она является крупнейшей кирпичной крепостью мира. Крепость пережила несколько осад и войн, понесла серьезные утраты. При этом, с самого начала существования данная постройка выполняла не только оборонительные функции, но и являлась своеобразной оправой, величественным обрамлением древнего города, став органической частью его силуэта. В определенной степени она сохраняет эту функцию и сегодня. В 1920-х гг. один из исследователей стены, известный смоленский искусствовед и археолог И.М. Хозеров, выдвинул гипотезу о том, что крепость изначально на всём своем протяжении была окрашена в белый цвет, а отдельные элементы её декора выделялись красной краской. Это предположение основывалось отчасти на изображениях Смоленска, присутствующих на иконах начала XVIII в. На них он был представлен в образе идеального «града», включавшем упомянутую цветовую гамму крепостной стены. Несмотря на то, что гипотеза И.М. Хозерова не получила в дальнейшем достаточного обоснования, её придерживались некоторые представители научного сообщества. Она и по сей день остается популярной, особенно среди представителей литературы и искусства. Представление о первоначальной окраске крепости Смоленска стало органической частью городского мифа. Исследовательская задача данного доклада состоит в изучении обстоятельств и причин возникновения и устойчивого бытования популярных представлений о значимых объектах городской среды. Важно также рассмотреть существовавшую традицию изображе-

ния Смоленской крепости в иконописных памятниках в сравнении с существовавшим каноном изображения фортификационных объектов на русских иконах. Автор опирался на работы И.М. Хозерова (как опубликованные, так и архивные материалы), а также труды историков архитектуры, занимавшихся изучением истории Смоленской крепостной стены (И.Д. Белогорцев, П.Д. Барановский). ■

Винокурова Любовь Андреевна

(Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва)

DOI: 10.31168/0503-6.06

ЧЕШСКО-НЕМЕЦКОЕ КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ В ПОЭЗИИ РАДЕКА МАЛОГО 2000-х гг.: «ГОРОД-ПАЛИМПСЕСТ»

В докладе предполагается рассмотреть отражение в творчестве современного чешского поэта Радека Малого феномена «город-палимпсест» в ракурсе чешско-немецких отношений. Топос города крайне важен для социально-критической поэзии Малого, творчество которого в 2000-х гг. развивалось в русле тенденции к ангажированности, характерной для чешской литературы этого периода. Хронотоп сборников Малого 2000-х гг. («Луновис»/ *Lunovis*, 2001; «Вороньи песни»/ *Vraní zpěvy*, 2002; «Ветреное (непутевые стихи)»/ *Větrní (zcestné verše)*, 2005; «Малая тьма»/ *Malá tma*, 2008) затрагивает период от владычества Габсбургов до начала XXI века, что проявляется в многочисленных отсылках к историческим событиям, которые лирический герой сборников, альтер эго автора, видит в окружающей его действительности — прежде всего в городах, сквозь современный облик которых проглядывает история. Отмечая упадок современного ему общества, Малый подчеркивает разрушительное влияние на Центральную Европу двух мировых войн — самых масштабных катастроф XX в. Посткатастрофическим мировосприятием поэта обуславливается ощущение экзистенциальной неопределенности в условиях современного мира отдельно взятой личности — жителя «городов-палимпсестов», вынужденного существовать в переплетении «просвечивающих» друг сквозь друга эпох. Ощущая в себе необъяснимую тягу ко всему немецкому, обусловленную многовековым сосуществованием в одном пространстве нескольких культур, лирический герой понимает, что в нем слились воедино чех, немец и еврей, что отражено в сборниках в том числе на языковом уровне — присутствием большого количества макаронических чешско-немецких стихов. Этим

неустойчивым слиянием, осложненным необходимостью осмысления в современном контексте последствий Холокоста и депортации немцев из Чехословакии, и объясняется, по мнению Малого, экзистенциальная неопределенность, которую ощущает лирический герой его сборников 2000-х гг., обреченный сочетать внутри себя наследие исторически противостоявших друг другу культур, накладывающихся друг на друга, как тексты в палимпсесте. ■

Вирен Денис Георгиевич

(Институт славяноведения РАН, Москва)

DOI: 10.31168/0503-6.07

Провинция в польском кино 1970-х гг. — вынужденная необходимость или поиск гармонии?

Оппозиция большого города и деревни (шире — провинции) занимает важное место в польском кинематографе с конца 1960-х гг., когда начался активный процесс урбанизации, повлекшей за собой множество противоречий и конфликтов. Это ярко показано, например, в фильме Г. Круликевича «Танцующий ястреб» (1977 г.) — экранизации одноименной повести Ю. Кавалеца (1971 г.), или в «Бусинках одних четок» (1980 г.) К. Куца. Город в этих произведениях предстает в значительной степени как воплощение нарушенной гармонии, искусственности в противовес естественности, природности и нравственности сельской жизни. Таким образом происходит подключение упомянутых авторов к проблематике «кино морального беспокойства», в котором, однако, на первый план выходит иное: традиционно считается, что действие фильмов этого направления разворачивается в провинции, потому что говорить о социальном, экономическом и духовном кризисе на материале больших городов было нельзя. Это, безусловно, верно и подтверждается высказываниями самих режиссеров, снимавших в условиях цензурного давления. Но, может быть, здесь можно обнаружить и другие причины, не связанные с идеологическим прессингом? Может быть, в определенном смысле это был поиск той самой утраченной гармонии, свидетельство тоски по размеренному жизненному укладу, выработавшемуся на протяжении многих десятилетий и даже веков? Подтверждением этой гипотезы может служить лента А. Бараньского «Женщина из провинции», снятая,

---

Исследование выполнено в рамках гранта Российского научного фонда № 22-18-00365 «Семиотические модели в кросс-культурном пространстве: Balcano-Balto-Slavica», <https://rscf.ru/project/22-18-00365/>.

правда, уже в середине 1980-х гг. В рамках доклада мы рассмотрим несколько картин второй половины 1970-х гг. с точки зрения ценности периферии как своего рода убежища, но в то же время в свете попыток найти себя (как правило, обреченных на провал), а также постараемся ответить на вопрос, какую роль здесь играет оппозиция по отношению к центру. ■

Гимадеев Тимур Владимирович

(Казанский государственный аграрный университет, Казань)

DOI: 10.31168/0503-6.08

«История города Праги» В.В. Томека: ПЕРЕОСМЫСЛЯЯ НАЦИОНАЛЬНЫЙ НАРРАТИВ

Историк Вацлав Владивой Томек (1818–1905) принадлежал к числу наиболее значимых фигур чешской историографии XIX в. Его крупнейшей научной работой, делом жизни была 12-томная «История города Праги». Изначально труд задумывался как дополнение к «Истории чешской нации» Ф. Палацкого, бывшего в начале научной биографии В.В. Томека его учителем. Позже, по мере расхождений во взглядах двух историков, «История города Праги» стала представлять собой альтернативу нарративу национальной истории, созданному «отцом нации». В докладе рассмотрено, в какой степени избранная В.В. Томеком «городская», пражская оптика повлияла как на его исследовательские подходы, так и на его концепцию истории Чехии. Историю Праги, «очага всей общественной жизни чешской нации», В.В. Томек считал неотъемлемой частью истории всей страны. Однако, сама фактура, собранная им, в первую очередь — богатые материалы пражских архивов, часть из которых не сохранилась до сего дня, неизбежно определила вектор исследовательской работы В.В. Томека. Он уделил значительное влияние аспектам социальной и культурной истории, посвящая им целые тома работы. В этом и заключалось главное отличие «Истории города Праги» В.В. Томека от «Истории чешской нации» Ф. Палацкого, сосредоточившегося в основном на вопросах политической истории страны. Значительные расхождения в трактовках ряда исторических событий и явлений также определены тем, что в центр работы В.В. Томек поставил Прагу — так, негативная оценка историком последствий гуситских войн объясняется разрушениями, которые были нанесены городу в ходе боевых действий. Таким образом, именно постановка В.В. Томеком во главу угла «городской» проблематики позволила ему, как представляется,

в известной степени преодолеть ограничения историографии середины XIX в., предвосхитив поворот к культурной истории, обозначившийся уже в конце столетия. ■

Канарская Анна Николаевна

(Институт славяноведения РАН, Москва)

DOI: 10.31168/0503-6.09

«КРАСНАЯ МОСКВА — СЕРДЦЕ ПРОЛЕТАРСКОЙ МИРОВОЙ РЕВОЛЮЦИИ»: СТОЛИЦА СССР ГЛАЗАМИ ПОЛИТЭМИГРАНТОВ В 1920–1930-Е ГГ.

К середине 1920-х гг. Москва становится центром политэмиграции. Иностранцы коммунисты и члены их семей направлялись национальными партиями в Советский Союз. Среди них были как участники революционных событий в Центральной и Юго-Восточной Европе, бежавшие от репрессий на родине, так и молодые партийцы, прибывшие для изучения марксизма-ленинизма в коммунистических «университетах». До приезда их представления о «первом пролетарском государстве» и о его столице формировались, главным образом, под влиянием советской пропаганды, завлекавшей обещаниями «светлого будущего», его визуальными образами. Однако, действительность разошлась с ожиданиями. Документы эпохи и воспоминания, написанные много лет спустя, отражают состояние переживаемой политэмигрантами фрустрации, вызванной как советским бытом, так и общественным устройством, имевшим мало общего с догмами коммунистической идеологии. «Приезжают люди из-за границы и становятся ультра-левыми. Они совершенно не ожидали видеть нищету, проституцию, беспризорных... они видят тяжелую материальную нужду. Они попадают в состояние глубокого разочарования. Это болезнь, которую должен пережить каждый приехавший из-за границы», — так определяла интересующий нас феномен Мария Фрумкина, ректор Коммунистического университета национальных меньшинств Запада. Коллективное описание столицы и различных сторон ее жизни — от ужасов общежитий и коммуналок до красот метрополитена, контрастировавших с убогим обликом его пассажиров — одно из ярких проявлений «болезни». Для нас образ Москвы, кото-

рый складывается из доступных источников, представляет интерес как априорно ценное свидетельство иностранцев о нашей стране, а также как фрагмент картины жизни международной коммунистической диаспоры в СССР в 1920–1930-е гг. ■

Кирилина Любовь Алексеевна

(Институт славяноведения РАН, Москва)

DOI: 10.31168/0503-6.10

ВОПРОС ОБ УЛИЧНЫХ НАДПИСЯХ НА СЛОВЕНСКОМ ЯЗЫКЕ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОВЕТА ОБЩИНЫ ГОРОДА ЛЮБЛЯНЫ В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX В.

До начала 1880-х гг. Любляна, центр австрийской провинции Крайна, имела «чисто немецкий» характер. Несмотря на то, что немцы составляли тогда всего 21 % ее населения, они занимали все ключевые посты в городе и провинции. В результате ряда реформ министерства Э. Тааффе, давших импульс общему процессу словенизации Крайны, к власти в ее региональном центре Любляне пришли словенские либералы, которые ставили перед собой двойную задачу: не только модернизировать город, повысить его статус среди региональных центров империи, но и утвердить его роль как национального центра словенцев. Ключевым пунктом в комплексе мер, направленных на словенизацию Любляны, стало достижение доминирующего положения словенского языка в ее учреждениях и школах, а также придание городу «словенского облика», в том числе путем замены немецких и двуязычных уличных надписей словенскими. В 1892 г. Совет общины Любляны впервые принял решение переименовать ряд старых улиц города, назвать несколько новых в честь выдающихся словенцев и все надписи на них сделать только на словенском языке, а в 1894 г. постановил, что все надписи на улицах и площадях Любляны должны стать чисто словенскими. Но, хотя все вопросы по поводу языка уличных надписей относились к сфере полномочий Совета общины, его решения не признали ни правительство, ни провинциальный комитет Крайны. Попытки добиться официального разрешения замены всех двуязычных надписей в Любляне чисто словенскими предпринимались Советом общины города и далее — в 1899, 1904, 1907 г., — но оказывались безуспешными и каждый раз вызывали волну протеста со стороны

немцев. Возражения провинциального правительства и немецкого населения были вполне аргументированными: решение Совета общины ущемляет права немецкого населения; его осуществление повредит транспортным связям, торговле, туризму; возникнут трудности, связанные с пересмотром городского кадастра; наконец, ликвидация имеющих историческую ценность немецких названий будет означать уничтожение исторической памяти, важной для обоих народов. Реализовались эти чаяния словенских патриотов лишь в сентябре 1908 г., после подавления правительственными войсками антинемецких выступлений в Любляне. И произошло это вследствие стихийных действий словенских горожан, срывавших с домов двуязычные и немецкие таблички и вывески. В обстановке крайней национальной напряженности в городе провинциальный комитет Крайны наконец был вынужден утвердить решение люблянского Совета общины о замене двуязычных уличных надписей словенскими. ■

Котов Виктор Викторович

(Институт славяноведения РАН, Москва)

DOI: 10.31168/0503-6.11

ЧЕШСКИЙ/НЕМЕЦКИЙ/АВСТРИЙСКИЙ ГОРОД: МАНИФЕСТАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ И МАРКИРОВАНИЕ ПРОСТРАНСТВА В Т.Н. ЧЕШСКИХ ЗЕМЛЯХ В 1860-Е — НАЧАЛЕ 1870-Х ГГ. (НА ПРИМЕРЕ СОКОЛЬСКОГО ДВИЖЕНИЯ)

Доклад посвящен восприятию чешскими националистами богемских, моравских и австро-силезских городов как части национальной территории, а также различным формам демонстрации этой принадлежности. Идея «чешскости» различных населённых пунктов связывается с такими чертами националистического мышления, как, во-первых, органицистское и истористское восприятие нации как коллективного древнего живого существа, «обитающего» на определённом пространстве, принадлежащем ему по естественному и историческому праву, и, во-вторых, тоталистское придание локальным идентичностям вторичного характера относительного политико-религиозного почитания нации. Способами манифестации принадлежности городов к национальной территории были явные и имплицитные формы уличной политики (включая массовые мероприятия, например, шествия, митинги, церемонии начала возведения, освящения и/или открытия различных объектов, похороны, совместные поездки или походы, гимнастические и иные выступления, согласованное поведение зрителей в театрах) и представительской демократии (выборы в Городские советы и сеймы (ландтаги), руководство совещательных корпоративных органов (палат) и двуязычных добровольных обществ, а также деятельность избранных кандидатов), а во-вторых, маркирование пространства посредством чешскоязычных надписей и визуальных символов (включая «места памяти»). Подобные акции и практики также были характерны для немецких националистов, что вело к противостоянию, выразившемуся в форме физических столкно-

вений и полемики в периодике, касающейся в т.ч. количества, качества и масштаба мероприятий и маркеров, а также корректности электоральной борьбы. Эти аспекты и общая обоснованность претензий на тот или иной город (включая условно мононациональные) вызывали расходящиеся оценки противостоящих сторон. Заметную роль в этом противостоянии играли члены чешских сокольских и немецких турнерских гимнастических обществ, что было связано в т.ч. с их массовостью, эффектным образом и выполнением милицейских функций. Мероприятия и маркеры, связанные с австрийской и/или конфессиональной идентичностью, нередко присваивались чешскими националистами или отождествлялись ими с немцами. ■

**БОРЬБА ЗА ГОРОД:
АНАЛИЗ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА
МЭРА ВАРШАВЫ РАФАЛА ТШАСКОВСКОГО**

В конце 2023 — начале 2024 г. политическая жизнь в Польше была очень насыщенной, одна избирательная кампания почти сразу же сменяла другую: сначала прошли выборы в парламент, потом в местные органы самоуправления и наконец в законодательный орган Европейского союза. Выборы в Сейм и Сенат, помимо того, что продемонстрировали рекордную явку в истории Третьей Польской республики, а также устойчивость демократии в стране, в который раз зародили надежду на скорое окончание «польско-польской войны». Так, председатель партии «Гражданская платформа» Дональд Туск поклялся, что на следующий же день после выборов польско-польская война завершится. Эта «война» вот уже двадцать лет ведется между двумя политическими партиями: «Правом и справедливостью» (ПиС) и «Гражданской платформой» (ГП), и выражается в регулярном обмене оскорбительными и уничижительными публичными комментариями в отношении действий друг друга, в нежелании сотрудничать и идти на компромиссы. Военные метафоры, такие как «холодная гражданская война», «атака», «боевые действия», «мохеровые береты», «враждебный лагерь» достаточно часто встречаются в риторике политиков и отражают крайне высокий уровень напряженности и конфликтности. Несмотря на то, что лидеры обеих партий уже давно признали, что «польско-польская война» раскалывает общество, 15 октября 2023 г., однако, не стало ее последним днем: жесткое противостояние между ПиС и ГП продолжилось и во время следующей избирательной кампании. Выборы в органы местного самоуправления, как правило, не отличаются такой высокой явкой, как выборы в парламент, но именно местные власти отвечают за решение конкретных проблем населения

польских городов и сел. Кроме того, мэры городов представляют интересы жителей на национальном уровне. Доклад сфокусирован на политическом дискурсе одного из лидеров ГП, мэра Варшавы Рафала Тшасковского во время избирательной кампании в органы местного самоуправления. Каким образом в дискурсе представлены оппоненты и их избиратели? Как изображается город и его жители? Для того, чтобы ответить на эти вопросы, я проанализировала транскрипты выступлений Тшасковского на партийных съездах в феврале-апреле 2024 г., которые транслировались на официальном канале ГП в *YouTube*. Результаты исследования продемонстрировали, что правила описания политических оппонентов и их избирателей в качестве «других» сохраняются, а город представлен средоточием демократических свобод и ценностей, местом, в котором благодаря усилиям городских органов власти возможно эффективное устранение как физических, так и символических границ. ■

Лобачева Юлия Владимировна

(Институт славяноведения РАН, Москва)

DOI: 10.31168/0503-6.13

БЕЛГРАД ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX в. ГЛАЗАМИ РУССКИХ ОЧЕВИДЦЕВ: ГОРОДСКОЙ ЛАНДШАФТ И АРХИТЕКТУРА

На протяжении XIX в. Балканы — Сербия и Белград в частности — не раз становились целью визитов или местом длительного пребывания зарубежных путешественников, ученых, дипломатов, военных и представителей других занятий. Описания народонаселения, страны и городов, помещенные затем в их научные и художественные произведения или служебные материалы (донесения, отчеты и пр.), давно используются исследователями в качестве источников. В частности, историки сербской архитектуры в работах, посвященных белградскому градостроительству, как и исследователи истории Белграда, опирались на труды зарубежных очевидцев. Однако свидетельства русских авторов, касающиеся организации пространства и архитектуры Белграда первой половины XIX в., насколько нам известно, ими не привлекались и не становились (за единичными исключениями) объектом специальных исследований. Доклад, основанный на свидетельствах 12 очевидцев из России, восполняет этот пробел. Показано, что хотя изучение белградского ландшафта не всегда являлось целью путешествия, определенное (чаще — существенное) место в текстах отводится описанию внешнего вида и архитектуры города или упоминанию отдельных его объектов. Некоторые авторы обращали внимание на местность, где располагался город, и его структуру (деление на части). Другие подробно характеризовали организацию городского пространства: улицы, переулки, постройки, незастроенные площади. Многие оценивали внешний вид и состояние улиц, качество мостовых. Значительное место занимают рассказы о зданиях и строениях разного рода и назначения. Не обходили очевидцы вниманием и Белградскую крепость: обрисовывали ее кратко или

подробно. Ими часто упоминались мечети (но лишь однажды с названием) и несколько раз — христианская церковь. Более или менее подробно представлены в текстах (или отмечены) жилые дома (иногда с описанием убранства комнат), княжеские дворцы, лавки и другие объекты (школа, аптека и т.д.). И, конечно, почти все авторы описывали живущих в Белграде людей (внешний облик, занятия и т.д.). Периодически упоминаются «австрийские постройки»/то, что от них осталось, или указывается, что возводятся новые дома, прокладывается дорога, «город строится». Иногда встречается информация о незастроенных пространствах: садах, «окрестностях», «пригородах». Свидетельства русских очевидцев о белградском ландшафте в первой половине XIX в. формируют представление о развитии города, его архитектуре и повседневной жизни горожан, а также о том, в какой мере в облике Белграда отражалось изменение его характера — от турецкого пограничного до столицы автономного Княжества Сербия. ■

СТОЛИЦА И ЖИЗНЬ ВОКРУГ: ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ГРЕЧЕСКОГО ГОСУДАРСТВА В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX в.

С момента своего освобождения в середине XIX в. греческое государство стремилось нивелировать значение восточной культуры в жизни страны, взяв курс на полную вестернизацию. Тому способствовали тяготы жизни при османах, тоска по историческому наследию античности, и, самое главное — влияние великих держав, прежде всего Англии и Франции, на современную жизнь Греции. В начале XX в. поворот к Европе стал очевиден во всех областях жизни страны: в политике, культуре и даже духовной сфере. Недаром часть верующей интеллигенции с горечью отмечала опасную динамику подмены собственной культуры западноевропейскими ценностями даже в церковной жизни. Изменениям подвергались иконопись, церковная музыка. Не обошли реформационные веяния и столицу Греции: по воспоминаниям путешественников, материалам СМИ, Афины менялись, модернизировались по меркам современных европейских центров. Они притягивали к себе греческую элиту, поэтическую и творческую богему. Вторым городом (стратегическим центром Греции на новоприсоединенных землях), измененным по западноевропейским стандартам, стали Салоники. В 1917 г. страшный пожар уничтожил большую часть его исторической застройки, предоставив греческим властям уникальный шанс осовременить северную столицу по градостроительным лекалам европейских городов. С пожаром ушел в небытие не только старый облик города, но и богатая часть его еврейской истории. А что же можно сказать об остальных городах Греции? Подтягивались ли они за столицей, готовы ли были меняться и были ли они заинтересованы в этом? Как показывает богатый фотографический материал, произведения современных писателей, заметки журналистов:

большая часть Греции была нейтральна к новым западноевропейским веяниям. Причин тому было много. Отсутствие финансов у власти, недостаток разветвленной сети дорог — основных каналов связи со столицей и ее новомодными тенденциями. Усилению самобытного элемента в жизни малых городов способствовали и волны вынужденных переселенцев из Малой Азии, принесших на землю материковой Греции приверженность к восточным традициям и истовую религиозность — как память об утерянной родине. ■

Мельчакова Ксения Валерьевна

(Институт славяноведения РАН, Москва)

DOI: 10.31168/0503-6.15

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПРАВОСЛАВНОЙ ОБЩИНЫ МОСТАРА ВО ВРЕМЕНА ОСМАНСКОГО ВЛАДЫЧЕСТВА

Одной из форм самоорганизации православного населения в Османской империи являлись церковные/церковно-школьные общины, обладавшие довольно широкими автономными правами, что дополнительно подтверждалось положениями султанского рескрипта 1856 г. о реформах в империи (хатт-и хумайюн). Крепкая и влиятельная православная община с 1835 г. функционировала в главном городе Герцеговины — Мостаре. Между общиной и герцеговинским митрополитом был заключен особый договор, который давал право православным мостарцам самим решать важные проблемы и значительно ограничивал «власть» архипастыря. О мостарской православной общине сохранилось довольно много сведений в трудах современников: уроженцев Мостара Прокопия Чокорило, Иоанникия Памучины, Йована Пичеты, а также российского дипломата и путешественника А.Ф. Гильфердинга. Немало данных о положении дел в общине и ее многочисленных проектах содержится в архивном наследии российского дипломатического представительства в Мостаре, не все эти материалы введены в научный оборот. В историографии встречается ряд исследований, посвященных истории мостарской православной общины, вышедших из-под пера известных югославских историков В. Чоровича, Д. Берича, Б. Маджара. В них идет речь о становлении и устройстве общины, ее работе на поприще просвещения православных герцеговинцев. Феномен мостарской православной общины привлекает внимание и современных исследователей — сербский историк Н. Радосавлевич подготовил серию статей о жизни общины в османской Боснии, ее возрождении и борьбе за расширение прав во времена австро-венгерской оккупации. Православная община Мостара оказала большое влияние на жизнь и облик города. Имен-

но ее стараниями был воздвигнут величественный собор, открыты мужская и женская школы, организованы поездки священнослужителей для сбора средств в пользу учебных заведений и церквей Герцеговины в Россию, планировалось открытие семинарии. Выявленные в Архиве внешней политики Российской империи (АВПРИ) документы позволяют более детально изучить историю воплощения вышеозначенных проектов в жизнь, реализация которых была невозможна без помощи из России. Какую роль православная община Мостара играла в жизни города; как складывались отношения общины с османскими властями, герцеговинскими митрополитами, представителями других конфессий; как конфликты внутри общины влияли на жизнь православных мостарцев — эти и другие вопросы освещены в рамках доклада. ■

Накишова Марина Тазабаевна

(Институт истории и археологии Уральского отделения РАН, Екатеринбург)

DOI: 10.31168/0503-6.16

СИМВОЛИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО ИМПЕРСКОГО САНКТ-ПЕТЕРБУРГА (ПЕРВАЯ ТРЕТЬ XVIII в.): СОЗДАТЕЛИ И ИХ КОММУНИКАТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ

В контексте государственных преобразований Петра I одной из важнейших целей являлось создание имперского символического языка, направленного на идеологическое обоснование избранного монархом политического курса. Конструирование имперских символов, требовавшее огромных финансовых и интеллектуальных вложений, представлялось правящим кругам ключевой задачей для обеспечения устойчивости самодержавной власти. Среди многообразия имперской символики особым вниманием пользовались столичный город Санкт-Петербург и загородные резиденции (в Петергофе, Стрельне и Дубках) как некие архитектурные и социально-политические пространства. Согласно задумке государя, они должны были выполнять важную символическую и репрезентативную функцию в становлении России как империи, создать «славу» стране в Европе. Процесс строительства города-парадиза и окружавших его резиденций занял в истории России не один год и претерпел множество изменений. Для создания архитектурных пространств Петр I приглашал в Россию мастеров различного статуса и опыта. Их роль в формировании архитектурного стиля, характерного для петровского зодчества, была столь же значительной, как и личный вклад самого государя. Иностранцы оказались помещены в сложную и многогранную социальную реальность, на которую, помимо прочего, влияли более глобальные проблемы, связанные с дефицитом материальных и кадровых ре-

---

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда «Конструирование имперского пространства в России первой трети XVIII в.: символы и их создатели», № 24-28-01242, <https://rscf.ru/project/24-28-01242/>.

сурсов, сложностью выстраивания коммуникации в Санкт-Петербургской губернии, трудностями распределения и перераспределения сил. Их личные амбиции и желания неизменно сталкивались со стремлениями других мастеров и/или должностных лиц, имевших отличное представление о нормах и принципах строительства, правилах поведения, способах взаимодействия и т. д. Ссоры, конфликты, конкуренция и, наоборот, успешные деловые союзы, дружба, приятельство напрямую влияли на ход строительных работ, их качество и результат. Облик имперских пространств, их визуальный эффект и идеологическая основа не могут оцениваться без углубленного изучения специфики отношений, связывавших их создателей. ■

Перетяцько Артём Юрьевич

(Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону)

DOI: 10.31168/0503-6.17

ГОРОД КАК ВОПЛОЩЕНИЕ «ДУХА КАИНОВА»: ОБРАЗЫ ГОРОДОВ В МИСТИЧЕСКИХ ПОСТРОЕНИЯХ В.М. ПУДАВОВА

Некоторые, в том числе достаточно фундаментальные особенности донского казачьего социума XIX в. до настоящего времени остаются недостаточно отрефлексированными. Одной из этих особенностей является отсутствие городов на территории Земли/Области Войска Донского до 1887 г. Такое положение дел вело к неприятию частью донской элиты самой идеи города. Наиболее последовательно и развернуто подобные идеи выражал казачий полковник и историк-любитель Василий Михайлович Пудавов (1804–1863), у которого образ города приобретает ярко выраженные религиозно-мистические черты. В наиболее обобщающем своем труде, «Взгляде на историю человечества», Пудавов утверждал, что уже первое принципиальное противостояние мировой истории происходило между «духом Каина», который определялся как «градозиждательный», то есть градостроительный, и «духом Авеля», который определялся как «пастушеский». Более того, противостояние между градозиждательным и пастушеским образами жизни объявлялось актуальным, «пока стоит мир», причем разрушение «царств градозиждательных» «народами пастушескими» трактовалось как позитивное событие, позволяющее создавать новые народы, «с улучшенными понятиями об истине и любви». «Главными пунктами мира духа Каинова» в древности В.М. Пудавов считал 9 городов: Вавилон, Ниневию, Бакстру, Мероэ, Фивы, Мемфис, Сидон, Иевус и Аргос. Вероятно, донской автор планировал объяснить мистическое значение всех этих городов, но дошедшая до на-

---

Исследование выполнено при поддержке Программы стратегического академического лидерства Южного федерального университета («Приоритет 2030»).

ших дней часть его сочинения содержит материал только о первых двух. Вавилон у В.М. Пудавова представал «пагубным царством плотоугодия во всех обаятельных его видах». Это плотоугодие сделало Вавилон родиной «материализма», «двинувшего в ход разум человеческий в духе борьбы с вечной церковью». Напротив, в Ниневии господствовало «более выпренное воззрение на небо и природу», однако оно выражалось не в истинной вере, а в огнепоклонничестве и волхвованиях, дошедших до того, что именно из этого города изошел «помысл на Господа злой». Таким образом, в рамках религиозно-мистической картины мира В.М. Пудавова города оказываются имманентно связаны со злом и персонально с Каином. Первые города были центрами противодействия христианскому Богу и его церкви. Напротив, имманентно доброй, связанной с Авелем, объявлялась не просто сельская, а пастушеская жизнь — что хорошо соотносилось с преобладанием у донских казаков до второй половины XIX в. скотоводства над земледелием. ■

Петрова Мария Александровна

(Институт всеобщей истории РАН, Москва)

DOI: 10.31168/0503-6.18

ИМПЕРСКИЙ ГОРОД РЕГЕНСБУРГ КАК МЕСТО ЗАСЕДАНИЙ ПОСТОЯННОГО РЕЙХСТАГА СВЯЩЕННОЙ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ В XVIII в.: взгляд из России

XVIII столетие стало последним веком существования Священной римской империи германской нации и ее системообразующих институтов. Одним из них был Постоянный, или Долгий, рейхстаг (Immerwährender Reichstag), заседавший с 1663 по 1806 г. на регулярной основе в имперском городе Регенсбурге, подчинявшемся непосредственно императору. В современной историографии опыт рейхстага чрезвычайно востребован: некоторые ученые видят в нем прообраз Европейского парламента; он изучается как значимый общегерманский форум, где переплетались политические, конфессиональные, территориальные, экономические и прочие интересы имперских штатов; как важный институт поддержания мира в Центральной Европе; как центр коммуникации, где обсуждались новости и слухи, в том числе о международных делах. В докладе показано, какова была роль самого города Регенсбурга в описываемых процессах, как ее оценивали российские дипломаты, которые проводили там много времени: тратили деньги, вели хозяйство, нанимали кареты и лошадей, участвовали в общественной и культурной жизни. Для освещения темы привлечена дипломатическая корреспонденция, хранящаяся в Архиве внешней политики Российской империи и Российского государственного архива древних актов, в частности донесения и письма резидентов и министров в Регенсбурге Г.Г. Бютнера, И.М. Симолина, А.С. Струве. ■

**Дони Милановац на Дунае:
Язык и народная культура**

Городок (серб. *варошица*) Дони Милановац (община Майданпек), расположенный на Дунае, заслуживает внимания исследователей с самых разных точек зрения. Интересна история его формирования (включая цепочку наименований поселения), функциональная нагрузка как центра Джердапского заповедника, где археологами после Второй мировой войны проведены раскопки древней стоянки из эпохи мезолита, на набережной находится библиотека и турагентство, ориентирующие посетителя на достопримечательности края. Вместе с тем, городок имеет выразительные черты сельского местечка, куда из всех окрестных сел (Мосна, Стара-Орешковица, Мироч, Голубине, Болетин, Рудна-Глава и др.) стекаются жители с целью посещения церкви, рынка, частного похоронного агентства и т.д. В марте 2024 г. автором было осуществлено этнолингвистическое обследование городка на предмет определения характерных языковых и культурных особенностей края Пореч. В результате были выявлены как сербские, так и влашские (румынские) элементы традиции. Собеседники, с которыми проводились интервью, подробно рассказывали и про домашний сербский обряд слава, и про особенности местных похоронно-поминальных обычаев, которые здесь имеют ярко выраженные влашские черты (пышность и многообразие обычаев во время похорон у влахов сопоставимы с сербской свадьбой). Широко известны народные влашские мотивировки тех или иных обрядовых действий, например, переход покойного во мрак «по узкому бревну через воду» на «тот свет», вследствие чего обязательно, чтобы человек ушел в иной мир при свече (серб. *на свећу умро*). Умершему без свечи, ставят «свечу для рая» (серб. *рајска свећа*) с отверстиями для сорока маленьких свечек, которые зажигают на сорок дней, когда проходит *велика по-*

мана. Важное значение придается и кострам для мертвых (серб. диал. *привéги*, pl.), которые разжигают в Великий четверг. Общими чертами, характерными для данного края в сфере народной мифологии, оказались поверья о «тодоровских конях» (серб. *тудорци*, *тодорци*), появляющихся на второй неделе Великого поста, чтобы наказать людей, которые работали на св. Теодора; представление о «матери леса» (серб. диал. *мума падуриј*), приносящей вред людям в лесистых горах. При этом наблюдается явная дистанцированность собеседников от того, что в народе называется *влашка магија* ('влашская магия'), которой якобы владеют «настоящие» вlahи (в основном, *врачарице*, знающие заговоры и ритуально-магические практики, как излечивающие, так и вредоносные). Таким образом, отмечена определенная цельность изучаемой традиции Пореча (несмотря на регулярные ссылки на то, что «это делают не у нас, а у вlahов») в результате проникновения целого ряда вlahских компонентов в сербскую народную культуру. ■

**«Скопье–2014»:
ВИЗУАЛЬНАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ
СТОЛИЦЫ СЕВЕРНОЙ МАКЕДОНИИ
С СЕМИОТИЧЕСКОЙ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ**

В центре внимания доклада — проект «Скопье–2014» — (частично) реализованный в столице Северной Македонии план преобразования городской среды, задачей которого стало масштабное изменение визуального кода Скопье. Напомним, что в 1963 г. город был практически полностью уничтожен землетрясением, и его восстановление стало мероприятием, имеющим общегославское и, шире, международное значение. Социалистическая Югославия, приглашая ведущих мировых архитекторов к участию в конкурсе на проект восстановления города, демонстрировала свою открытость миру и желание интегрироваться в широкий архитектурный и культурный контекст. Победителем конкурса стал японец Кендзо Танге, один из ведущих архитекторов того времени. Скопье, таким образом, стало иллюстрацией югославской модернизации и в определенном смысле энциклопедией архитектурного модернизма. В 2010-е гг., уже во времена независимой (Северной) Македонии в Скопье начал реализовываться прямо противоположный проект — реконструкция центра города, вновь существенно изменившая его визуальный код. В ее рамках осуществлялись прежде всего переформление модернистских фасадов в «историзирующем» стиле, застройка свободных пространств и создание многих памятников представителям вновь создаваемого македонского культурного канона. Большинство новых сооружений, выполненных в стиле, сочетающем приемы ампира и барокко, имеет репрезентативную

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00365 «Семиотические модели в кросскультурном пространстве: Balcano-Balto-Slavica», <https://rscf.ru/project/22-18-00365/>.

функцию (министерства, музеи и проч.). Они «столичные» именно в буквальном (если не вульгарном) понимании этого слова. Уместно, однако, рассмотреть проект «Скопье–2014» не с искусствоведческой, а с семиотической точки зрения. Он представляется любопытным примером конструирования новой знаковой системы, созданной в противопоставлении предыдущей — югославской и модернистской. В том числе поэтому продуктивным кажется рассмотреть семиотический опыт современного Скопье с точки зрения бинарных оппозиций: прошлое/будущее, закрытость/открытость, поверхность/структура и т.д., что и будет сделано в докладе. ■

Приступа Наталья Николаевна

*(Белорусский государственный педагогический университет
им. Максима Танка, Минск)*

DOI: 10.31168/0503-6.21

МАССОВОЕ ЖИЛИЩНОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО В ЧЕШСКИХ И СЛОВАЦКИХ ГОРОДАХ ПОЗДНЕГО СОЦИАЛИЗМА

Предметом исследования стали жилые комплексы, появившиеся в начале 1970-х гг. в таких крупных городах, как Прага и Братислава. Будучи новым типом жизненного пространства, они в последующем стали своеобразным символом эпохи «нормализации». Эти жилые комплексы должны были помочь властям решить амбициозную задачу — обеспечить квартирами всех заинтересованных в самостоятельном проживании граждан. Принимая во внимание качество жилищного фонда и его неравномерное распределение по отдельным регионам страны, сделать это было сложно, особенно с учетом ускорившейся урбанизации. Рост численности городского населения отразился на структуре потребления, условиях жизни, спросе на услуги и поездки. Эти явления повлияли на характер жилищного строительства (расширение городов за счет новых жилых комплексов), рост интереса к рекреационным объектам, развитие общественного транспорта и автотранспорта. Строительство нового типа жилья уже тогда подверглось нападкам: с одной стороны, возникли критические замечания к внешней эстетике домов, с другой — в консервативно настроенных кругах заговорили об угрозе самому социализму, так как началось формирование нового образа жизни и трансформация менталитета чехословацких граждан. Однако власти не отступали от выбранного курса реализации социальной политики с ее акцентом на решение жилищного вопроса, потому темпы ввода жилья (так называемых «панелек») в эксплуатацию впечатляли. Менялся и внешний вид чешских и словацких городов. При этом именно последним принадлежало лидерство по среднему размеру жилья и его качеству. Эти аспекты, а также влия-

ние жилищной политики на урбанизационные процессы в Чехословакии в период «нормализации» и образ жизни ее граждан будут раскрыты в докладе. ■

**ВЕНА КАК «ПОСЛЕДНИЙ РУБЕЖ ХРИСТИАНСТВА»
И «СЕРДЦЕ АВСТРИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ»
В КОНСЕРВАТИВНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ 1820-х гг.
(НА ПРИМЕРЕ «МАЛОЙ ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВА»
ЙОЗЕФА ФОН ХОРМАЙРА И АЛАЙОША МЕДНЯНСКОГО)**

Столичный город выступает особым местом в сакральной географии этнокультурной общности и империи. Столица является не только местом пребывания монарха и власти, но и символом преемственности поколений и фигурой политической мобилизации. Метрополия при этом формирует образы незыблемости правящей династии и «последнего оплота» государственности в случае экзистенциальной угрозы. Все это в той или иной мере относилось к резиденции Габсбургов — Вене. В качестве источников для настоящего исследования выбраны очерки, посвященные истории Вены и опубликованные в «Малой истории Отечества» под редакцией и с участием Йозефа фон Хормайра и Алайоша Меднянского. Помимо этого, привлечены материалы патриотической поэзии, включенной в этот многотомный труд. Таковыми стали стихотворения «К Вене» и «Счастливая ночь 11 сентября 1683 г.» Иоганна Габриэля Зайдля. Особым случаем предстает публикация Хормайром и Меднянским стихотворений Михаэля Бехайма из «Венской книги» (*Buch von den Wienern*), посвященной событиям политической борьбы в Австрии начала 1460-х гг. В официальном Габсбургском мифе эпохи романтизма, представленном в работах 1820-х гг. под редакцией Йозефа фон Хормайра и Алайоша Меднянского Вена фигурировала и как город-резиденция, и как город-крепость, и как город-символ Австрии и империи. Более того, Вена представляла и «последним рубежом христианства». Каждый из этих элементов был нацелен на формирование у населения империи общего исторического сознания и сопричастности к «общему делу» в консер-

вативном ключе. Такая задача была затруднительной в силу роста национальных движений во владениях Габсбургов. Данный корпус материалов был нацелен на формирование образа Вены как «сердца империи». Она становилась символом династии, государства и империи; местом воинской славы и памяти; «знаменем», защищаемым военными и населением империи. Все это делало образ метрополии сакральным в условиях консервативной парадигмы. ■

**«МОСКВА — ЦЕНТР МИРА»:
СЕРБСКИЕ ЛЕВЫЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЫ
НА ПРАЗДНОВАНИИ 10-Й ГОДОВЩИНЫ
ОКТАБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ В 1927 Г.**

Осенью 1927 г. государственно-партийное руководство СССР отмечало 10-летнюю годовщину Октябрьского переворота. Празднование вылилось в масштабную пропагандистскую акцию, цель которой состояла в демонстрации успехов советской власти, а также в улучшении ее репутации на международной арене. Для этого были приглашены иностранные политические и культурные деятели, в основном левых взглядов, от которых ожидалось, что они в лучшем свете представят увиденное соотечественникам. От сербской «гражданской левицы» в СССР отправились журналист Владислав Рибникар, литератор Драгиша Васич и скульптор Сретен Стоянович, которые впоследствии опубликовали свои путевые заметки. Зафиксированные в них образы Москвы и Ленинграда любопытны сами по себе как любое свидетельство «чужого», позволяющее переосмыслить устоявшиеся представления о привычном и «хорошо известном». Данные произведения представляют интерес, будучи рассмотрены в контексте такого исторического феномена, как многовековые русско-сербские отношения. Утверждение Стояновича, что советская «Москва — центр мира», заставляет задуматься о причудливой трансформации в сознании межвоенных левых традиционного сербского русофильства, обусловленного ролью царской России в становлении новой сербской государственности в течение XIX в. Будучи критически настроенными к царизму, русской аристократии, «гнилой чеховской интеллигенции», а также к собственному пророссийскому политическому истеблишменту, они проецировали свои идеализированные представления о России, основанные преимущественно на русской классической

литературе, на первое социалистическое государство. Последнее, разумеется, противопоставлялось «загнивающему Западу». Небезынтересно сопоставить написанное перечисленными деятелями с более ранней «Поездкой в Россию», вышедшей из-под пера классика хорватской/югославской литературы Мирослава Крлежи, воспоминаниями отклонившего приглашение лево-демократического политика Драголюбa Йовановича, а также с московскими впечатлениями югославских и, в целом, европейских коммунистов. Последним чуть позднее довелось познакомиться не только с парадной, но и с темной стороной советской действительности. ■

Сорожкина Юлия Олеговна

(Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва)

DOI: 10.31168/0503-6.24

ГОРОД И МОДЕРНИЗАЦИЯ: БЕЛГРАД НА РУБЕЖЕ XIX–XX ВВ.

Белград на рубеже XIX–XX вв., будучи столицей независимой Сербии, должен был кардинальным образом измениться, чтобы соответствовать стремлению властей сделать Сербию современным государством европейского типа. Политические трансформации после обретения Сербией независимости по итогам Берлинского конгресса на некоторое время определили в качестве ориентира Австро-Венгрию. Белград постепенно начинает адаптироваться к вызовам времени, и такие изменения прежде всего отражаются на внешнем облике города, его инфраструктуре и архитектуре. Вопрос о характере модернизационных процессов в Сербии остается дискуссионным, историография по нему весьма дихотомична. Некоторые историки убеждены, что модернизация в Сербии являлась имитационной, «модернизацией без модерности». Другие же уверены, что Сербия после обретения независимости немногим уступала государствам западной Европы. Однако если не приравнивать модернизацию к вестернизации, а смотреть на этот процесс шире, принимая во внимание современные исследования, согласно которым существуют варианты альтернативной модернизации, то в таком случае модернизацией нужно считать любые качественные изменения в жизни того или иного общества, которое стремится внедрять в свою жизнь политические, экономические, социальные и культурные инновации. Сербское общество на рубеже XIX–XX вв. оставалось аграрным, патриархальным и традиционным. Но Белград, как столица государства, быстрее ощущал на себе вызовы времени и должен был реагировать на них. Городское пространство столицы вполне логично отличалось от остальной Сербии, поскольку выражало запросы и стремления лишь части сербов. Важно увидеть, какие задачи позволяло решить городское

пространство Белграда, чтобы лучше понять, какой путь развития избрало сербское общество, почему внедряло те или иные социальные институты. ■

Станков Николай Николаевич

(Институт славяноведения РАН, Москва)

DOI: 10.31168/0503-6.25

ПРАГА 1920-х гг.

ГЛАЗАМИ СОВЕТСКИХ ДИПЛОМАТОВ

В докладе показано, какие стороны жизни Праги освещены в дневниках, служебных и личных письмах сотрудников первых советских миссий в Чехословакии. В результате изучения указанных источников автор пришел к выводу, что в них нашли отражение впечатления советских дипломатов от столицы ЧСР сразу же после приезда в Прагу или спустя некоторое время, а также наблюдения за повседневной жизнью пражан. По описаниям советских дипломатов, в начале 1920-х гг. чехословацкая столица еще не изжила черты провинциальности. В то же время возникло множество новых проблем. В частности, очень остро стоял квартирный вопрос, не хватало помещений для размещения дипломатических миссий иностранных государств. В донесениях в Народный комиссариат иностранных дел РСФСР/СССР, а также в личных письмах содержится описание условий работы и проживания сотрудников миссий в Праге. В них значительное внимание уделялось трудностям, в которых приходилось советским представительствам осуществлять свои функции: полицейская слежка, частые кампании против миссий в пражской печати (как в чехословацкой, так и в эмигрантской), недоброжелательное отношение со стороны чехословацких чиновников, затягивание в решении важных дел. Вместе с тем в письмах и дневниках советских дипломатов отражена культурная жизнь Праги. Особо отмечался интерес пражан к выступлениям И.Г. Эренбурга, Л.Н. Сейфуллиной, В.В. Маяковского, посещавших Прагу в 1920-х гг., к театральным постановкам по произведениям советских писателей, к выставкам и другим мероприятиям, организованным представительством СССР. Ряд документов свидетельствует об установлении и развитии контактов советских ученых с профессорами Пражского университета. Письма и дневники со-

ветских дипломатов являются ценным свидетельством очевидцев о различных сторонах жизни Праги 1920-х гг., и вместе с тем важным источником об особенностях их восприятия чехословацкой столицы. ■

Стыкалин Александр Сергеевич

(Институт славяноведения РАН, Москва)

DOI: 10.31168/0503-6.26

ОБРАЗЫ ПОЛИЭТНИЧНЫХ ГОРОДОВ ВЕНГЕРСКОГО КОРОЛЕВСТВА В ЗАПИСКАХ РУССКИХ ОФИЦЕРОВ, УЧАСТНИКОВ ВОЕННОЙ КАМПАНИИ 1849 Г.

Весной 1849 г. для подавления венгерской революции в пределы Австрийской империи вошла 200-тысячная русская армия, перед которой вынуждено было сложить оружие венгерское революционное войско. Венский двор был спасен от почти неминуемого поражения и весьма вероятного распада государства. Венгерская кампания 1849 г., учитывая ее размах, не могла не найти отражения в большом количестве источников, в числе которых такой источник личного происхождения, как записки русских офицеров, участников кампании. В центре внимания — впечатления офицеров от городов, в которых квартировало и через которые проходило русское войско, вступая в контакты с городскими жителями, пересекаясь с ними в повседневном общении. Города были очень разные, по большей части полиэтничные, непохожие, со своей неповторимой историей, различавшиеся и по этническому составу населения. Многие старые города были полиэтничны. Большую (иногда даже преобладающую) долю населения в них составляли немцы, это в полной мере касалось Буды и Пешта. На городских окраинах и в предместьях городов Трансильвании проживали румыны, Верхней Венгрии — словаки. Облик города Сентэндре к северу от Буды во многом определяла большая сербская (православная) колония, история возникновения которой связана с великим переселением сербов на земли Габсбургов в конце XVII в. В докладе на основе воспоминаний русских офицеров сравниваются города, в которых они побывали, в том числе показано многообразие форм межнациональных отношений в городах исторической Венгрии с особым акцентом на различия между Трансильванией (Кронштадт/Брашшо/Брашов;

Херманштадт/Надьсебен/Сибиу) и Верхней Венгрией (Кашшау/Кашша/Кошице); сопоставлено отношение горожан разных национальностей в разных провинциях страны к Австрийскому дому, венскому правительству и венгерской революции; рассмотрено отношение местного населения к русскому войску и показаны особенности его коммуникации с местным населением в различных городах. Делаются выводы, что, во-первых, в Верхней Венгрии дистанция между разными нациями, насколько можно судить по привлекаемым источникам, была меньше, чем в Трансильвании, а межэтнические границы были более проницаемыми; во-вторых, если в Верхней Венгрии не было (по крайней мере в городах) такой пропасти, таких резко бросающихся в глаза контрастов в социальном и этническом плане, то в городах Трансильвании венгерское, немецкое и румынское общества существовали раздельно, мало пересекаясь; в-третьих, на социальную и этнокультурную городскую среду нередко влияла этническая принадлежность городской администрации. Предпринятый анализ позволит полнее представить урбанистическую культуру Венгерского королевства середины XIX в. во всем многообразии. ■

ДИСКУССИЯ
О СОХРАНЕНИИ ИСТОРИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ
СОВРЕМЕННОЙ СУБОТИЦЫ: СЕРБСКИЙ, ВЕНГЕРСКИЙ
ИЛИ МУЛЬТИКУЛЬТУРНЫЙ ГОРОД?

Архитектурное наследие значимо для создания образа любого города и важно для формирования национальной идентичности его жителей. В нем зримо запечатлена история проживающих на территории страны этнических групп. Пример Суботицы интересен тем, что в городе в равной мере соединены культуры двух народов: часть населения говорит на сербском языке, другая — на венгерском. Впервые город упоминается в документах в XIV в., на тот момент он был частью Венгерского королевства. После поражения венгерских войск в Мохачской битве в 1526 г. Суботица стала центром самопровозглашенного сербского государства Йована Ненада. Однако в 1542 г. была завоевана турками и вошла в состав Османской империи. В 1697 г., после австро-турецкой войны (1683–1699 гг.) Суботица перешла под контроль империи Габсбургов. В 1779 г. в составе Венгерского королевства Суботица получила статус вольного королевского города. По итогам Трианонского договора 1920 г. город перешел под власть Королевства сербов, хорватов и словенцев. У города, как минимум, три названия: у сербов — Суботица, у венгров — Сабадка, немецкое название города восходит к его латинскому имени — Мария-Терезиаполь. Мультикультурное развитие города и полиэтничный состав населения до сих пор отражаются в архитектурном облике города. В Суботице можно найти памятники как сербского происхождения, так и элементы культуры габсбургской эпохи. Вопрос сохранения культурного наследия Суботицы обострился в конце 2000-х гг. после публикации плана реконструкции города. Согласно ему, изменениям должны были подвергнуться более двухсот зданий, некоторые из которых

назначались под снос. С точки зрения венгерской общественности, от осуществления проекта в основном пострадали бы их культурные объекты. Несмотря на то, что проект не был осуществлен, он произвел медийный эффект и заставил говорить о необходимости защиты памятников архитектуры всех проживающих в Сербии народов. Наиболее подробно вопрос сохранения культурного наследия Суботицы раскрыт в работах сербских и венгерских культурных институтов, таких как: Муниципальный институт охраны памятников в Суботице, Институт венгерской культуры в Воеводине и другие. В докладе анализируются основные вехи в сохранении памятников архитектуры города в постъюгославский период истории Сербии. Особое внимание уделяется работе институтов по сохранению исторического наследия, действующих в Сербии и Венгрии, рассматривается законодательная база, регулирующая защиту культурных объектов. ■

ГОРОДА-КРЕПОСТИ В КОНТЕКСТЕ КАВКАЗСКОЙ ВОЙНЫ (НА ПРИМЕРЕ ГЕЛЕНДЖИКА)

В первой половине XIX в. Российская империя столкнулась с проблемой интеграции Северного Кавказа. Одним из механизмов установления контроля над регионом являлось строительство крепостей. Этот процесс оценивается различными исследователями по-разному. Часть историков утверждает, что именно строительство российских крепостей в регионе являлось началом военного покорения российским самодержавием горцев. Другая часть исследователей отмечает, что строительство крепостей являлось методом включения Северного Кавказа в состав России. Это позволяет рассматривать российские крепости периода Кавказской войны в качестве своеобразных городов-крепостей. В докладе уточнен реальный функционал пограничного города-крепости на примере Геленджика с опорой на документы из «Актов, собранных Кавказской археографической комиссией» и материалы Российского государственного военно-исторического архива. Геленджик был заложен в 1831 г. с целью установления контроля над окрестными территориями, размещения в нем гарнизона, а также пресечения связей горцев с контрабандистами из Османской империи. Однако вскоре на его территории был открыт меновый двор, где происходила торговля, и горцы также приобретали там важные для них товары. После этого набеги черкесов на окрестные территории значительно уменьшились. Черкесы начали обращаться за помощью к российским медикам. Помощь оказывалась в том числе и женщинам, причем российские власти уделяли этому процессу серьезное внимание, известны факты вручения наград черкешенкам «За доверие России». Лечение «немирным» горцам оказывалось наравне с верноподданными России, поскольку власти видели в данном процессе фактор сближения горцев с Российской импе-

рией. Поселение, первоначально основанное для контроля территории, быстро приобрело важные торговые и медицинские функции. Форт начал превращаться в город, в результате чего ситуация на окрестных территориях становилась более спокойной. Таким образом, город-крепость в контексте Кавказской войны мог являться как важным элементом военного покорения, так и ключевым элементом мирной интеграции. ■

**«КАПУЯ» ИЛИ «ЕВРОПЕЙСКАЯ КОСТРОМА»?
ВАРШАВА 1813–1820 ГГ. ГЛАЗАМИ РУССКИХ**

Предметом исследования в докладе являются ракурсы и контексты видения Варшавы русскими, связанные с эпохой Заграничных походов русской армии 1813–1814 гг. и созданием в 1815 г. польского государства под эгидой России. Основным материалом служат эго-документы. Используются дневники, путевые заметки, воспоминания военных, проходивших через польские земли в 1813–1815 гг., а также тех, кто остался в Царстве Польском или прибыл туда служить после 1815 г. Среди последних — офицеры из расквартированных в Варшаве российских гвардейских полков, вверенных, как и польская армия, командованию Великого князя Константина Павловича, и гражданские лица (в первую очередь, служивший в канцелярии Н.Н. Новосильцева П.А. Вяземский). Дополняют картину путеводители, опубликованные в 1818–1820 гг. на русском языке и отразившие официальный образ процветающей Варшавы. Нас интересуют описания Варшавы, ее сравнения с другими польскими городами, соотнесения впечатлений о польской столице с общими представлениями о Польше и «польскости». Наиболее примечательны связанные с Варшавой исторические сентенции о прошлом Польши и русско-польских отношениях. Здесь прослеживается связь картин преобразования Варшавы с последующими устоявшимися суждениями о благоденствии поляков под скипетром Александра I, характерными для российской историографии XIX в. Показательны также оценки города сквозь призму личного опыта: рассуждения о дешевизне/дороговизне жизни в нем, о его роли в собственной биографии. Наиболее отчетливо здесь просматриваются темы просветительской роли столицы (посещение лекций и театров, чтение газет в кофейнях), а также Варшавы как центра развлечений и приятного времяпрепровождения

(«капуанская нега» Ф.Глинки). Варшава притягивала и отталкивала в зависимости от степени инкорпорации в местную жизнь. Так, сначала пренебрежительно названная П.А. Вяземским «европейской Костромой», по мере сближения русского литератора с образованным польским обществом она заслужила его более высокую оценку. ■

СОДЕРЖАНИЕ

Адельгейм Ирина Евгеньевна «Отсроченная любовь»: Неаполь Густава Герлинга-Грудзиньского	3
Александрова Анна Константиновна Вопрос о возвращении скульптур Парфенона: репрезентация в публичном пространстве Афин	5
Аржакова Лариса Михайловна Краков как место/город силы	7
Бут Юлия Евгеньевна Имперская Вена — центр элитного образования Австро-Венгрии	9
Валуев Демьян Валерьевич «... вся стена была выбелена, а ряд архитектурных деталей “подчеркнут”»: гипотеза о цветовой гамме Смоленской крепости — генезис и судьба	11
Винокурова Любовь Андреевна Чешско-немецкое культурное наследие в поэзии Радека Малого 2000-х гг.: «город-палимпсест»	13
Вирен Денис Георгиевич Провинция в польском кино 1970-х гг. — вынужденная необходимость или поиск гармонии?	15
Гимадеев Тимур Владимирович «История города Праги» В.В. Томека: переосмысляя национальный нарратив	17
Канарская Анна Николаевна «Красная Москва — сердце пролетарской мировой революции»: столица СССР глазами политэмигрантов в 1920–1930-е гг.	19
Кирилина Любовь Алексеевна Вопрос об уличных надписях на словенском языке в деятельности Совета общины города Любляны в конце XIX — начале XX в.	21

Котов Виктор Викторович	
Чешский/немецкий/австрийский город: манифестация политической принадлежности и маркирование пространства в т.н. чешских землях в 1860-е — начале 1870-х гг. (на примере сокольского движения)	23
Лагно Анна Романовна	
Борьба за город: анализ политического дискурса мэра Варшавы Рафала Тшасковского	25
Лобачева Юлия Владимировна	
Белград первой половины XIX в. глазами русских очевидцев: городской ландшафт и архитектура	27
Лубоцкая Анна Сергеевна	
Столица и жизнь вокруг: особенности развития греческого государства в первой половине XX в.	29
Мельчакова Ксения Валерьевна	
Деятельность православной общины Мостара во времена османского владычества	31
Накишова Марина Тазабаяевна	
Символическое пространство имперского Санкт-Петербурга (первая треть XVIII в.): создатели и их коммуникативные стратегии	33
Перегятыко Артём Юрьевич	
Город как воплощение «духа Каинова»: образы городов в мистических построениях В.М. Пудавова	35
Петрова Мария Александровна	
Имперский город Регенсбург как место заседаний Постоянного рейхстага Священной Римской империи в XVIII в.: взгляд из России	37
Плотникова Анна Аркадьевна	
Дони Милановац на Дунае: язык и народная культура	38
Поляков Дмитрий Кириллович	
«Скопье–2014»: визуальная трансформация столицы Северной Македонии с семиотической точки зрения	40

Приступа Наталья Николаевна

Массовое жилищное строительство в чешских и словацких городах
позднего социализма 42

Рагозин Герман Сергеевич

Вена как «последний рубеж христианства»
и «сердце австрийской государственности» в консервативной
историографии 1820-х гг. (на примере «Малой истории Отечества»
Йозефа фон Хормайра и Алайоша Меднянского) 44

Силкин Александр Александрович

«Москва — центр мира»: сербские левые интеллектуалы
на праздновании 10-й годовщины Октябрьской революции в 1927 г. 46

Сорожкина Юлия Олеговна

Город и модернизация: Белград на рубеже XIX–XX вв. 48

Станков Николай Николаевич

Прага 1920-х гг. глазами советских дипломатов 50

Стыкалин Александр Сергеевич

Образы полиэтничных городов Венгерского королевства
в записках русских офицеров, участников военной кампании 1849 г. ... 52

Ткаленко Александр Евгеньевич

Дискуссия о сохранении исторического наследия
современной Суботицы: сербский, венгерский
или мультикультурный город? 54

Ткаленко Никита Сергеевич

Города-крепости в контексте Кавказской войны
(на примере Геленджика) 56

Филатова Наталия Маратовна

«Капуя» или «европейская Кострома»? Варшава 1813–1820 гг.
глазами русских 58

Научное издание

ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ РАН

**«ЕСТЬ ГОРОД...»: ЛОКУС — СОЦИУМ — ОБРАЗ
В ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЕВРОПЕ И СОПРЕДЕЛЬНЫХ РЕГИОНАХ
XVII–XXI ВВ.**

Тезисы докладов VIII конференции
Междисциплинарного центральноевропейского семинара,
5–6 ноября 2024 г.

Редакторы-составители:

О. В. Хаванова, Д. Ю. Ващенко

Компьютерная верстка:

П. Н. Морозов

Общероссийский классификатор продукции
ОК-034-2014 (КПЕС 2008); 58.11.1 — книги, брошюры печатные

ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ РАН

119334, Москва, Ленинский просп., д. 32А, корп. «В»

Адрес электронной почты:

inslav@inslav.ru

Подписано в печать 30.10.2024. Формат 60×84 ¹/₁₆

Гарнитура Times New Roman. Бумага офсетная.

Печать цифровая. Усл. печ. л. 3,72.

Объем 4,0 печ. л.

Заказ № 59.

Тираж 300 экз.